

Мое второе тюремное заключение (1922-1923)

“... возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узак”

Еф. 6:19-20.

Христос говорил: “Если Меня гнали, будут гнать и вас” — Ин. 15:20. Этот закон духовной жизни применим всегда, независимо от времени. Некоторые представители православного духовенства, даже из тех, кто присутствовал на конгрессе раннеапостольской церкви, стали занимать враждебную нашему Союзу позицию, видя наши моральные успехи. Они посылали на нас доносы в правительство, что привело прежде всего к систематическим и тщательным обыскам наших домов и рабочих мест.

В апреле 1923 года около 12 часов ночи, когда я находился в своем кабинете и писал, я услышал шум. Дверь отворилась, и вошли два человека. Это были представители Чека, политической полиции революции.

Поиск доказательств, обвиняющих меня

Они предъявили бумаги, которые давали им право обыскать мой дом. Я проявил исключительную доброту и сам показал им все бумаги на столе и на полках. Я спросил старшего чекиста:

— А что вы ищете?

— Контрреволюцию, — ответил он.

Видимо, они не нашли ничего, компрометирующего меня, но, закончив обыск, старший сказал мне:

— Пойдемте с нами.

— Я вернусь домой? — спросил я.

— Да, — ответил он.

Когда мы вышли на улицу, я увидел стоявший у дома автомобиль. Мы сели в него и приехали к зданию, где размещался наш Союз. Во время непродолжительного переезда старший разговорился и заявил: “Вы хорошо пропагандировали свои идеи в православной церкви”. Видимо, он там был или же эта тема обсуждалась в штабе полиции.

Прибыв на место работы, я увидел во дворе много милиции, красноармейцев и чекистов. Они уже обыскивали Библийскую школу и даже складское помещение, где находились дрова и

другие припасы. Старший чекист, который привез меня сюда, спросил:

— Каковы результаты?

— Ничего особенного, — ответили ему.

Тем не менее официальные лица в моем присутствии возобновили осмотр, ходили по всем комнатам, обследовали туалеты, внимательно обыскали мой кабинет. Я показал им все бумаги, как и у себя дома, но они не проявили к ним особого интереса.

После окончания обыска старший сказал: “Мы ничего не нашли и оставляем вас на свободе”. В тот период многие подвергались аресту и так и не возвращались домой. Когда лица, проводившие обыск, с многочисленным сопровождением покинули здание, мои сослуживцы собрались у меня в кабинете для молитвы; мы вернулись домой примерно в 3 часа утра.

В те дни наш Союз занимал весь этаж большого дома. У нас работало двадцать семь человек в различных отделах — миссии, издательский отдел, Библейская школа. Во время обыска один из чекистов сказал: “Это центр евангелистов”.

Мы были уверены, что обыски будут повторяться, но я не сокращал работу и даже призывал сослуживцев трудиться еще самоотверженнее. По воскресеньям я по-прежнему выступал с проповедями в большом здании шведской лютеранской церкви, читал лекции в Библейской школе, редактировал и издавал ежемесячное издание “Христианин” и вел обширную переписку.

Однажды, когда я вернулся из Библейской школы к себе домой часов в десять вечера, я обнаружил на кухне красноармейца. Он сказал:

“Я должен позвонить своему начальнику”.

Вскоре он возвратился, а через четверть часа в наш дом прибыл офицер с двумя помощниками с револьверами и другим оружием. Старший офицер, приставив мне к голове револьвер, сказал: “Подпишите эту бумагу”.

Мне приходит вызов; я заканчиваю свою деятельность

Я стал читать бумагу и увидел, что это был приказ из московского Чека о том, что я должен прибыть через три дня в Москву и явиться в главное управление Чека в 2 часа дня.

Пострадав меня револьвером, когда я расписывался в получении документа, офицеры покинули дом. Мы помолились и верили все дела в руки Господа.

На следующий день утром и днем я имел встречу с Советом нашего Союза, церковным Советом, с преподавателями Библей-

ской школы, прочитал лекции согласно расписанию и в молитвах попросился со всеми. Это были торжественные часы, ибо не было уверенности, что я вернусь. Меня сопровождал в Москву один из наших секретарей, брат Д.

В Москве мы посетили местную церковь, где мы проводили собрания. Я выступил с кратким обращением и молился вместе с присутствовавшими членами нашего Совета московского отделения церкви, а затем со своим секретарем отправился в Чека.

Когда мы входили в здание, из него выходил брат Марцинковский, лектор по вопросам христианства. Он сообщил нам, что ему дали постановление о его высылке из страны, что в тот же день он должен получить свой паспорт и покинуть Россию. Наше прощание было эмоциональным. Мне и секретарю пришлось долго ждать, пока почти все работники Чека не покинули приемную. Затем пришел начальник отдела религии Чека с двумя солдатами и с револьверами в руках, и нас отвели в тюрьму.

В одном из подвальных помещений нам пришлось отдать все, что было у нас в карманах — часы, ножички, ключи и т. п., после чего нас провели в грязную комнату или полусарай с деревянными перегородками. На обычном языке такие комнаты называются “свинарниками”. Это была довольно маленькая комната, забитая арестованными, среди которых было несколько священников и пятеро епископов.

Войдя в камеру, я очень громко сказал: “Мир вам!” Некоторые пробормотали нечто вроде приветствия, но арестованные священнослужители молчали, не желая здороваться с евангелистом даже в тюремных стенах и не будучи уверенными в своем будущем. Примерно через час всех заключенных вывели из камеры, за исключением двух молодых людей (видимо, воров) и нас. Мы с моим секретарем опустили на колени и помолились, а затем, положив под головы свои пиджаки, постарались заснуть, что было сделать не так уж трудно.

Мы попадаем во внутреннюю тюрьму

На следующее утро пришли солдаты-чекисты и привели нас в другую комнату, немного получше, но также заполненную арестованными. Как мы поняли, это была “собачья конура”. Однако на другой день нас отвели в так называемую “внутреннюю тюрьму”, где сидели наиболее опасные политические преступники.

Какое совпадение! Апостол Павел и Сила также находились во внутренней темнице — Деян. 16:24. Но наши ноги не

забивались в колоду, и землетрясения не произошло. Вскоре нас поместили в комнату средних размеров, где мы оставались с неделю. Это было помещением, откуда отправляли арестованных: одних — в другие тюрьмы, других — на смерть. Здесь мы находились в компании другого рода преступников.

Привели бандита, пойманного на месте преступления. Разумеется, позднее его расстреляли. Он нервничал, но, казалось, не испытывал угрызений совести и сожаления.

Первый пасхальный день мы провели в камере внутренней тюрьмы. Кормили нас очень плохо. Утром давали кипяток и два кусочка сахара. В 12 часов мы ели суп из рыбьих костей. На свободе никто бы не стал есть такой суп, но выбора не было, а есть хотелось. В 6 часов вечера нам давали пшеничную запеканку, приготовленную из проса, которое в России часто заменяет пшеницу.

И это все. Жиров, крайне необходимых в такой обстановке, вообще не было. Мы очень страдали от такой пищи. Но на первый день Пасхи меня вызвали в правление внутренней тюрьмы. Когда я вошел, мне дали подушку и одеяло, а также два пасхальных яйца и светлый кулич, сказав при этом:

“Это от ваших друзей“.

Брат Д. и другие получили то же. Невозможно описать чувства, переполнившие наши сердца. Мы оба благодарили Господа за эти столь дивные дары.

Мы переведены в “постоянную” тюрьму

Через неделю генерал К., брат Д. и я были переведены из внутренней тюрьмы Чека в Бутырскую тюрьму. Это была главная тюрьма всей России. Там нас поместили в камеру с двадцатью шестью другими заключенными. Это было страшное время.

Через несколько дней после нашего перевода в эту тюрьму был расстрелян священник римской католической церкви Буткевич. Среди заключенных, находившихся в нашей камере, были воры, грабители и убийцы, но больше всего было политических “преступников”. Здесь же находились группы казачьих офицеров, ожидавших казни, а также офицеры белой армии. Может показаться странным, но большинство политических заключенных составляли советские должностные лица — коммунисты и беспартийные.

Однажды всем заключенным, содержащимся в камере, было приказано покинуть ее. Нас повели по длинным коридорам, затем все остановились, и мне было велено остаться в одной

камере, а других, включая моего друга и брата Д., повели дальше.

Лишь те, кто находился в тюрьме с другом, с которым они потом вынуждены были расстаться, в состоянии понять, что это такое. Во время нашего пребывания в первой камере мы каждый день рассказывали заключенным о Христе. Мы с большим трудом достали Новый Завет, который читали сами и давали читать другим арестованным. В камере стала устанавливаться настоящая духовная атмосфера. Заключенные оказывали мне особые знаки уважения.

Мы с братом Д. читали отрывки из Писания и молились по утрам и вечерам. Это было для нас обоих источником духовной силы и являлось примером для других заключенных.

Духовная атмосфера в стенах тюрьмы

Первые дни нашего пребывания в камере оскорбления и ругань преобладали в отношениях между заключенными. Но спустя несколько дней они стали говорить друг с другом вежливее, а через две недели нельзя было услышать ни одного бранного слова. Возобладало спокойное и мирное состояние души. Даже на лицах тех, кто ожидал казни, стала появляться улыбка.

Когда в камере воцарилась тишина и порядок, инспектор этой секции тюрьмы выразил свое удивление, но вскоре стало ясно, почему это произошло. Иногда другие заключенные спрашивали:

— Почему вы всегда такие радостные?

— Потому что мы веруем и чувствуем, что с нами Бог, — отвечали мы.

Во время нашего пребывания в первой камере произошел следующий случай. Как обычно, заключенным нашей камеры была разрешена двадцатиминутная прогулка. В тюремном дворе лежала большая груда дров. Однажды брат Д. залез на дрова и уселся. Я тоже находился во дворе. Вдруг я услышал, как он, всхлипывая и плача, обратился ко мне:

“Мне очень жаль вас, брат Иван Степанович! Вы не виновны. Вы трудитесь на благо людей, а вас держат здесь вместе с преступниками. Почему допускается такая несправедливость?”

Я успокоил его, испытав внутреннюю радость, и сказал: “Прежде всего, такова воля Божия, которая всегда хороша, независимо от того, приятна она нам или нет. Во-вторых, это большая честь — быть там, где находился Христос и апостолы за многие столетия до нас”.

Когда я вошел в новую камеру, мне показали мою кровать и сказали: “Вот Моя кровать. Здесь спал расстрелянный вчера генерал П!” Я принял кровать, помолившись про себя. Рядом находилась кровать офицера, осужденного вместе с генералом П. и получившего пять лет тюремного заключения. Он, как и я, был родом с Кавказа, и мы часто говорили о событиях, происшествиях и местах, хорошо известных нам обоим.

Спустя некоторое время после того, как меня перевели в новую камеру, мы узнали, что в нашу тюрьму, в другую камеру, поступил опаснейший преступник. Живя в Москве, он убил сорок восемь мужчин и женщин, которых он, как правило, приглашал в свой дом, чтобы купить или продать лошадей.

Мои товарищи по камере

В моей новой камере заключенные были такие же, как и в первой камере, но среди них был один очень примечательный человек. Он был лет тридцати. Каждый день примерно в пять часов он падал навзничь, начинал ругаться последними словами и биться о пол. Даже четверо других заключенных не могли удержать его. Минут через пять после этого он приходил в себя. Он страдал от эпилепсии в результате контузии, полученной на фронте в одном из боев на Северной Двине. В бессознательном состоянии он часто выкрикивал название этой реки.

Через несколько дней в нашу камеру доставили одного толстовца. Я беседовал с ним о Священном Писании. Еще один толстовец оказался в соседней камере. Всем заключенным разрешалась ежедневная двадцатиминутная прогулка во дворе. Во время этих прогулок я встречался со вторым толстовцем, и мы дружески беседовали.

За эти короткие промежутки времени я встретился также с одним священником, который все время только и говорил в отчаянии о своей жене и детях. Я пытался утешить его высказываниями из Ветхого и Нового Завета, но он, казалось, ничего не воспринимал.

Я беседовал также еще с одним священником. Однажды мы прогуливались у окна, в котором он заметил другого священника. Он тут же начал кричать:

“Смотрите — священник живой церкви; мы до тебя еще доберемся!”

Мой собеседник принадлежал к старообрядческой православной церкви, а тот, которого он увидел в окне, к так называемой “живой церкви”, которую поддерживало Советское правительство. Священники-старообрядцы считали, что они арестовали по

ложному доносу священников “живой церкви”, и поэтому этот старообрядец был так настроен против того священника.

В тюрьме находилось много других священников, епископов и архиепископов, но я не вступал с ними в контакт. Они находились в других группах, других камерах. Мне казалось, что администрация специально изолировала меня от других священнослужителей. Возможно, они считали мой постоянный оптимизм заразительным.

Неожиданная встреча с близким по духу священником

Однажды мне и еще нескольким заключенным моей камеры велели идти во двор фотографироваться. Когда я пришел во двор, то с удивлением увидел там священника Е., выступавшего вслед за мной на церковном конгрессе в Москве. Он, как и мой брат Д., пришел фотографироваться. На обратном пути в камеры мне удалось перекинуться словечком с ним и с моим дорогим братом Д.

Лишь на собственном опыте можно убедиться, как приятно встретить в тюрьме добрых друзей. Я вспоминаю и другой случай, также очень поразивший меня. Брату Д. и мне разрешили принять продуктовые посылки, присланные нашими братьями. Одна сестра, принадлежавшая к московскому отделению нашей церкви, решила вместе с другой сестрой еженедельно направлять каждому из нас посылку с продуктами. В посылках был хлеб, масло, сыр, колбаса и т. п.

Разумеется, это было полезно для нашего здоровья, потому что кормили в тюрьме очень плохо. Это помогло не только нам, но и другим заключенным, не получавшим таких подарков, с которыми мы делились своими дарами.

Но для нас с этими дарами было связано нечто особое. Они свидетельствовали о христианской любви наших братьев и сестер, находившихся на свободе. Направляя нам эти дары, они как бы навещали нас в тюрьме. В те дни я понял не только умом, но и сердцем и душою, что значит для заключенного получить свидетельство любви со свободы.

С тех пор я с особым чувством повторяю слова апостола: “Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле” — Евр. 13:3.